

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

МАТРЕНИНЫ ДЕНЬГИ

Часть сборника: Деревенские панорамы (сборник)

Деревенские панорамы

Николай Гарин-Михайловский
Матренины деньги

«Public Domain»

1894

Гарин-Михайловский Н. Г.

Матренины деньги / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1894 — (Деревенские панорамы)

«Старик Алексей, отставной солдат, стоял смущенный, повернув голову набок, как заклеванный петух, смотрел и внимательно, с каким-то любопытством вслушивался в то, что говорила ему его забравшая теперь над ним власть жена Матрена...»

Николай Гарин-Михайловский

Матренины деньги

«В некультурных условиях одинаково дичают: и человек, и животное, и растение».

I

Старик Алексей, отставной солдат, стоял смущенный, повернув голову набок, как закле-
ванный петух, смотрел и внимательно, с каким-то любопытством вслушивался в то, что гово-
рила ему его забравшая теперь над ним власть жена Матрена.

Тут же на улице смотрела и слушала чуть не половина деревни: и бабы, и мужики, и дети.
Матрена, немолодая уже женщина, с плоской грудью, темным неприятным сухим длинным
лицом и черными глазами, заложив рука за руку, не спеша вычитывала Алексею:

– Что ж это ты сделал, старый глухарь?!

Алексей быстро бросал взгляды на толпу, как бы говоря: «Послушаю-ка, что я, старый
глухарь, сделал?»

– Семнадцать рублей денег, как одну копейку, потерял и глазом не моргнул... – Алексей
опять посмотрел, как бы говоря: да, потерял! шутка сказать, семнадцать рублей.

– Дурак ты, дурак старый!

Алексей вздрогнул и вытянулся так, как в свое время вытягивался перед своим взводным:
вот как нашего брата надо пробирать!

– Что ж мне с тобой делать, старый ты хрен?! Толком хоть Расскажи, как, где ты их
обронил?

Алексей опустил голову и печально, покорно начал в десятый раз передавать, как, воз-
вращаясь с поля, шел он сперва за телегой и все смотрел на «спинжак», положенный им на воз,
в нем и деньги были. А когда начался спуск, он зашел вперед, свел лошадь под уздцы, да так и
пошел задумавшись, рядом с нею, так и до избы дошел, а тут и спохватился – нет «спинжака»!
Туда-сюда – нет. Бросился назад, – не лежит ли где на дороге: нет. Едет Ванька, сын Павла
Кочегара: – Не видал ли, спинжак обронил? – «Не видал», – бат. Не видал, так не видал...

Матрена слушала, качала головой и с невыразимым презрением проговорила:

– Разиня ты, разиня...

Алексей опять вытянулся: ничего не поделаешь, – за оплошку надо принять науку. В
солдатах начальство учило, на старости лет хоть баба пусть поучит – виноват, так и от бабы
надо слово принять.

Послушали люди, потолковали и разбрелись. Деньги большие семнадцать рублей, да
осталось у Алексея, может, в сто раз больше. Что ему семнадцать рублей?!

А все-таки жалко Алексею денег.

Пристал он было плотнее к Ваньке Кочегару. Толстый Ванька, озорной парень, сперва все
ругался, а там и божиться стал, что не брал денег. Стращали было его Алексей с урядником.
Так без вины, пожалуй, хватай человека за горло. И народ говорит: не он.

Видал кто-то, что Алена шла тогда по мосту: шла, видно, в поле, а тут быстро, быстро
с моста назад вернулась.

Алена-вдова бельмом была у всех баб на деревне. Сколько мужиков перепортила. Кто
только охоч до баб, да выпить любит – тот и гость у Аленки. Ненавидят бабы Аленку, да руки
коротки: ведьма она. Всякую порчу может напустить. Матрена настаивала было, чтоб обыск у
Аленки сделать, но Алексей и руками и ногами уперся:

– Будь ей пусто, проклятой! Не пойду!! Вот зарок кладу: если она взяла, пусть же отзовутся ей мои деньги.

Много дел на селе вышло из-за утеранных денег. Ловкий работник Василия Михеевича, рябой, скрытный, опрашивал у Евдокима:

– Откуда у солдата богатство такое?

Сонный Евдоким объяснил:

– Вишь ты, на войне казачья подушка от седла попалась ему, а в подушке золото... Счастье!.. Другой и жизнь там оставил, а он вот... Счастье!..

– Може, и иначе как разжился? – недоверчиво спросил работник, – турка, а то и своего кого-нибудь там приколот...

– Не-ет... простой человек... Счастье уж его такое...

– Д-да, – почесал в затылке рабочий, – счастье – известно, счастье, а трудом-то горб да мозоли разве набьешь.

– Трудом-то, – вздохнул Евдоким, – по нынешним временам трудно жить, паря...

– С чего жить? Вон Василий Михеич на все лето – двадцать рублей.

– Тебе-то с полгоря... пища, а там денежки на руки... а с посевом-то своим, кто сеет, и вовсе не сообразишься: гривенник, и того не придется на день.

Запала в голову работнику думка об алексеевских капиталах. Нет-нет и подзовет востроглазого Володьку, Матренина сына, мальчишку лет десяти.

– Слышь, мамка, – проговорил как-то Володька, – Кострига (прозвище работника) выпрашивает, куда мы деньги прячем... Бат, подгляди: гостинец тебе дам. Я ему баю: мне что глядеть?

Переполошилась Матрена: сообщила Алексею. Ох, ночью заберется!

Алексей сперва ответил было с обычным бравым видом:

– А из ружья не хочешь, как на службе?!

Но, по здравом размышлении, между службой и теперешним его положением оказалась большая разница. Начать с того, что и ружья у него не было. Это и поставила ему на вид Матрена.

– Да-а! – сейчас же согласился озадаченный Алексей и, склонив голову, спросил раздумчиво: – Чего ж с ним делать? В суд, что ли, на него?

– В суд? А судья что ж?

– Как что?! – Алексей опять встрепенулся. – «Как так? Тебе на что понадобилось это узнавать?!» И посадит его в острог.

– А свидетели? Мальчишка-то десяти лет?

– И... – тряхнул головой и совсем упал духом Алексей. – Ничего не поделаешь! Придет, возьмет и уйдет...

– Да ведь как возьмет? Откуда узнает, где деньги?

– Узнает!.. Станет шарить, кирпич отвалит, вот и деньги тебе...

Даже и Матрена почувствовала всю беззащитность их положения: трудно разве в самом деле догадаться, где спрятаны деньги?

Оба сидели под впечатлением своей беззащитности. – Хлеб, что ли, не молотить да скотишки прикупить еще?

– А тогда, как раз и всем уж видно станет, что деньги есть, – резонно ответил Алексей...

– Хоть бы не было уж их, – махнула рукой тоскливо Матрена.

– В какую минуту скажешь, – многозначительно проговорил Алексей.

Неприятное рябое лицо рабочего на мгновение показалось в окне. Старый Алексей выпрямился и встрепанно, как, бывало, на часах при появлении начальства, так и застыл. И Матрена обмерла: «Убьет», – стремительно пронеслось в ее голове.

И раньше иногда страх донимал владельцев денег, Алексея и Матрену, а тут еще больше потеряли они «спокой». Плохо спать стали, похудели, пожелтели и ходили, как люди, у которых точно преступление на душе.

А рябой работник своими жадными глазами магнетизировал до столбняка обоих, когда останавливал то на мужа, то на жене свой пытливый жадный взгляд. И ничего лучшего супруги не могли придумать, как делать вид, что не замечают работника даже и тогда, когда вдруг неожиданно показывалось его страшное лицо в их окне.

II

Не в добрый час положил Алексей зарок на Алену. Деньги она тогда нашла на мосту. В первый раз тогда и вышла после болезни.

Странная это была болезнь, и много толковали о ней.

Жил на деревне кузнец. Называл народ его Волкодавом. Высокий, мохнатый и страшный с виду, глаза, как у волка, горят, характером самолюбивый, беспокойный и мстительный.

Рассказывали о нем многое.

Боялись его все, как огня. А как выпьет еще, то только и жди от него какого-нибудь дела. Отчаянный был Волкодав, – где другой не то что решится, а и подумать не посмеет, там Волкодав так просто действовал, как только ему вздумается. Раз встретил он старого Эммануила Дормидонтовича в лесу, купеческого управителя, а сердит был давно на него: повалил, раздел донага, связал и втиснул его в муравьиную кучу.

Хороший кузнец был Волкодав и конокрад хороший, но крал коней только у богатых. И когда пьян, поет, бывало, заученную, где-то слышанную им песню:

У богатого беру я – бедного жалею;
И так людей поровнявши – грехов не имею.

Помощником его по воровству был Андрей-плотник.

Андрей пьяница, высокий, с жидкой бородкой, с худой длинной шеей, с маленьким рысьим лицом, смотрит своими беспросветными глазами так, словно вымеривает человека: а ну-ка, сколько в тебе четвертей выйдет; или: смогу ли я тебя под себя сгрести? И если решал, что сможет, то и сгребал, то есть обдирал, как липку; а если чувствовал, что сила его не берет, то заискивал и с удовольствием смотрел на лакомый, но недоступный кусок. Так смотрел он на Ивана Васильевича, Ивана Михайловича, Эммануила Дормидонтовича, батюшку и других. Смотрел и заискивал – мягко, нежно, почтительно, а в то же время и выслеживал их своим холодным пытливым взглядом: только оплошай, дескать. И всякий из них инстинктивно Андрея боялся так, как боятся люди какой-нибудь мирно укладывающейся и словно не обращающей внимания и безопасной в своей клетке рыси. В Волкодаве Андрей чувствовал более, чем он, сильного и, главное, отважного зверя и беспрекословно ему подчинялся. К тому же у Волкодава была приговорная отмычка, сальный огарок с каплей человеческого жира от удушенника и прочие атрибуты их общего дела. С таким огарком ночью иди, куда хочешь: все будут спать мертвым сном, хоть тулуп из-под них тащи.

И в других отношениях сильный, отчаянный Волкодав был для Андрея рубахой-человеком. Защищал его, а то находили и такие минуты, когда, как липку, позволял обдирать себя, и Андрей пользовался в совершенстве этими минутами.

Приятели в своей деревне не занимались худым промыслом.

Года три назад жена Волкодава попробовала было всыпать ему во щи мышьяку. Да мало всыпала, а сама со страху сбежала в город, где и пропала, – тоже гулящая была баба. Везили

тогда Волкодава в тележке, потому что ноги отнялись было у него от мышьяка. В праздник возил Волкодава по соседним селам друг его, Андрей. А то и целая тройка набиралась: Николай-печник, всесветный пьяница, темный опустившийся шантрет, высокий Андрей в корню да Федор Керов, маленький, с ноготок, мужик, которому только бы отчаянная компания была да побольше шума.

Соберутся в праздник и айда на заработок. Несутся по деревне: хохот, смех, припрыгивают пристяжки, а Михеев, как заправский коренник, высоко, высоко держит свою рысью голову. Подкатят, где побольше народа, и начнет Волкодав:

– Эй вы, люди добрые! Може, и пригожусь... Жена, злодейка лютая, смотрите, что со мной сделала. Вот этим самым порошком (Волкодав вынимал тряпку с порошком). Я ль ей в чем волю не давал?! Хоть роту солдат веди с собой в баню. Эй вы, кони мои добрые, верно ли я говорю?

– Верно.

– Ох, ляд ее бери, – визжал Федор, – да мне бы попалась такая баба, господи, что б я с ней сделал... А он, вот видишь, вовсе простой...

– О дурак, – перебивал его Волкодав, – знал бы я, что удумала она, проклятая... А с чего же ушла она?..

Коренник Михеев, чувствуя, что не время когти свои показывать, поправлял своего хозяина и говорил:

– Рубаха-человек, одно слово... от жены своей страданье принимает... Чего говорить? Подайте, добрые люди....

И хотя все хорошо знали, что за рубаха был Волкодав, и знали, что пропьет он со своими лошадьми все, что дадут ему, а все-таки давали, потому что как-никак, а лучше в миру жить с Волкодавом, да и пострадал человек действительно от проклятой бабы.

Получив деньги или хлеб, тройка, как и ждали, направлялась к кабаку, а Волкодав не то пел, не то выкрикивал: «Эх, пропадай ты, жизнь молодецкая!» А затем, обрываясь, орал:

– Вали, вали-и!!

И тройка, и бежавшие за тележкой зрители весело подхватывали:

– Вали, вали!

На обратном пути пьяные кони иногда вываливали хозяина, и много времени проходило, пока опять восстанавливался порядок.

– Постой, – говорил Андрей, – надо все толком.

– Правильно, Андрюшка, – поощрял Волкодав, следя внимательно за действиями друга. Андрей, сделав дело, вздыхал и снова впрягался в свои оглобли.

– Не робь, не робь, Андрюшка, – ободрял его Волкодав, – погоди, пожалеет господь, оправлюсь: станем снова людьми с тобой.

Андрюшка понимал, что значит: «станем людьми», – и говорил, посматривая вдаль и шурясь:

– Только бы дал господь здоровье...

Иногда под вечер заходил Андрей к больному другу и развлекал его.

– Эх, знаю я, за что муку терплю, – вздыхал Волкодав.

– За что?

Волкодав мрачно обрывался.

– А что, по-твоему, Аленка ведьма? – вдруг опять спрашивал он.

– А пес ее знает, – отвечал равнодушно Андрей, – кому ведьма, а кому и малина...

– Дьявол баба... Ты как считаешь, грех православному с ней якшаться?

– Нам то что, брат, грехи-то считать? Сочтут и без нас.

– Ну, грех греху рознь...

– Все грех... Линия уж наша такая.

– Так-то так, тамо-то как будет...

– Что ж там? опять мы...

– Отчаянная ты, Андрюшка, душа...

– Ну, так чего? Там-то кто жив будет, тут бы поцарствовать. Я вот как-то угодил в церковь... Ну, с непривычки обробел, купил это свечку и тычу ее в притвор к образу, что ль, а старушка глядит: «Ты что, баэт, черту свечку ставишь?» Гляжу и вправду – черт такой нама- леван, а я прямо перед ним и налепил свечу.

– Ну?

– Ну, так чего ж? ничего не поделаешь, – пусть и черту будет... куда попадешь, не видно отсюда.

Наступало молчание.

– Вставал бы уж вот на ноги ты... И лошадки же добился Сурков...

– О-о?! Варламей?

– Он.

– Надо в воскресенье в Гнездино ехать, – поглядеть... А то сам бы ты...

– Нет, – быстро отвечал Андрей.

– Что? Огарок дам...

Андрей мотал головой.

– А вот этого хочешь? – вынимал Волкодав из-под рубахи привязанный на тесемке какой- то амулет. – С этим, братец мой, никакая пуля не тронет.

– Нет, не хочу.

– Эх, ноги бы оправились... шевелить-то могу...

Волкодав шевелил ногами, и оба внимательно смотрели на эти громадные ноги.

– Только бы на ноги встать... Вот они настоящие кормильцы где...

– Да-а, – вздыхал Андрей, – не поможет ли господь...

– Вот что, братец мой, пошлет господь здоровье – в ту ж минуту в Киев: зарок дал. Перво все старые грехи очищу, а там, что будет.

– Что больно далеко? Есть и поближе не хуже того святые места.

– Нет, уж так положил, так и будет.

Действительно, как только оправился Волкодав, так и исполнил зарок. Напрасно приста- вал к нему Андрей.

– Ну, хоть у Суркова сведем, – заодно уж и помолишься.

– Нет, так надумал, так и будет.

Через месяц уже вернулся с богомолья Волкодав. И обрадовался Андрей и глазам не верит: люди по полугоду ходят.

– Что больно скоро? – радостно приветствовал друга Андрей.

– А что мне там делать? Отговелся и домой.

– Да ты что, на крыльях летал?

– На машине.

– А деньги где взял?

Волкодав презрительно сплюнул.

– С деньгами всякий дурак проедет.

– А ты как?

– А так... пришел на машину, гляжу, где билеты продают, толпятся люди; стал и я: – сколько до Киева? – двадцать семь рублей. А у меня семь всего и туда и назад – не хватит. Отошел и стою. Гляжу, кучка людей в стороне, билетов не берут. «Едете же?» – спрашиваю. Нехотя так: «Едем». Мне сейчас и запало в голову: штука тут какая-нибудь. Стал я возле них и стою. Они туда-сюда, на площадку, а я все за ними. Тут уж к отходу дело. Кондуктор к ним:

головой этак махнул, забрали они свои торбы, а я чем хуже? Поодиночке и впустили нас в вагон... Гляжу, каждый ему рублевку сует. Думаю, подешевле попробую: вынул гривенник... «Это что?» – Дяденька, нет больше. «Нет, так и не поедешь». Врешь, думаю, пустишь, потому что все оглядываешься...

– Ну?

– Пустил... Этак за гривенник верст триста сразу и подвинулось дело. Там опять новое, опять, глядишь, верст пятьсот... другой не примет, до другого дня ждешь... До Киева за рубль двадцать копеек и приехал таким-то манером.

– И назад?

– Назад рубля два вышло... И везде, братец мой, одно заведение: на площадке, где машина уходит, почитай везде так в одном месте эти безбилетные и стоят. Станешь сзади и ждешь...

– И ничего?

– Ничего.

– Хорошо?

– Хо-орошо. Сидишь себе барином с господами... в окно глядишь: ни кнута, ни корму не надо, пошел... Только вот как левизор, ну тут уж гонять начнут из вагона в вагон, а то и так, что на станции какой высадят: нельзя никак дальше... И дошлый народ эти кондуктора, – все одно, как вот в прятки: тот с завязанными глазами ловит их, а они вокруг него шныряют.

Прошла неделя – другая, и все пошло своим чередом. И у Суркова лошадь приятели свели и с Аленкой у Волкодава по-старому наладилось. Только сильнее стал пить Волкодав и как-то расстраиваться умом. Отрезвев, он говорил мрачно своему другу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.